

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬКОВСКАЯ

БАГРЯНАЯ СЕТЬ

Чтобы построить новый мир,
им придется раскрыть тайны старого.

Елизавета Васильковская

Багряная сеть

<https://litres.ru/74662952>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир погиб не в один день.

После исчезновения прежней цивилизации человечество разделилось на города, каждый из которых выбрал свой путь выживания. Одни скрылись под водой, другие изменили саму природу человека, третьи сделали ставку на силу и оружие. Их разделяют годы вражды, а связывают багряные кристаллы — наследие прошлого, способное подарить жизнь или уничтожить её.

Каэл верил, что знания могут изменить мир. Но его открытия становятся оружием в чужих руках.

Аэлин привыкла защищать свой народ любой ценой. Однако встреча с Каэлом заставляет её усомниться в том, во что она верила.

Когда тайны прошлого начинают раскрываться, а города оказываются на грани войны, им предстоит узнать происхождение багряных кристаллов и сделать выбор, от которого зависит будущее человечества.

«Багряная сеть» — история о цене открытий, ответственности за свой выбор и попытке построить новый мир среди руин старого.

Елизавета Васильковская

Багряная сеть

БАГРЯНАЯ СЕТЬ

Глава 1. Подводный город

Вода за пределами купола Нереи была почти чёрной.

Лишь изредка в этой густой, давящей тьме вспыхивали биолюминесцентные водоросли — медленно, лениво, будто заблудившиеся в океане звёзды. Каэл смотрел сквозь прозрачные панели шлюза в эту бездонную темноту и чувствовал странное спокойствие.

Он любил океан.

Не той настороженной, суровой любовью, какой любят его воины корпуса стражей, привыкшие видеть в глубине прежде всего угрозу. И не жадной привязанностью добытчиков, для которых она являлась лишь кладовой минералов и энергии. Для Каэла океан был иным — огромным, сложным, до конца не понятым миром. Миром, который можно изучать, исцелять и, быть может, однажды действительно осознать.

Он провёл пальцами по холодному металлу поручня.

— Первый выход после окончания Академии, — тихо сказал он самому себе.

Даже теперь это звучало почти неправдоподобно.

Ещё неделю назад он стоял в зале Хранителей глубин среди других выпускников и слушал, как старшие учёные объявляют направления, в которых каждому предстояло работать. Тогда ему казалось, что жизнь, к которой он стремился с детства, наконец раскрывается перед ним. Распределение в медицинскую лабораторию Нереи! Возможность изучать мутации. И главное — работать с энергетическими кристаллами, самой драгоценной тайной их города.

Семья Каэла принадлежала к тем, кто стоял у истоков Нереи.

Их имя не звучало в залах Хранителей с особой торжественностью. Оно не было связано ни с властью, ни с громкими решениями, от которых зависела судьба колонии. Но в научном секторе его знали хорошо. В их роду поколение за поколением рождались врачи, биологи, исследователи — люди, посвятившие себя не покорению глубины, а её пониманию.

Отец Каэла, Тарен, был человеком немногословным и спокойным. Он изучал внешние экосистемы Нереи: водоросли, микрофлору глубин, изменения состава воды вокруг купола. В нём было то особое терпение, которое рождается только у людей, привыкших долго смотреть, прежде чем сделать вывод. От него Каэл унаследовал молчаливую сосредоточенность и редкое умение замечать то, что ускользало от остальных.

Мать, Лира, служила врачом в медицинском корпусе. Её знали почти во всех секторах Нерей — не только как выдающегося специалиста, но и как женщину удивительной душевной силы. Голос у неё был мягким, движения — спокойными, а взгляд всегда оставался ясным. Лира помогала детям, чьи тела тяжело приспосабливались к жизни в глубине: тем, у кого слишком поздно раскрывались жабры, или чьи мутации протекали мучительно и болезненно. В её руках было столько терпения и тихой нежности, что рядом с ней даже тревога становилась тише.

Дом, в котором рос Каэл, всегда был наполнен этой спокойной, вдумчивой жизнью. Там не любили резких слов и громких споров. Свет биолюминесцентных водорослей мягко ложился на стены, скользил по стеклу колб и прозрачных резервуаров, по пластинам с записями исследований. На столах лежали морские образцы, в нишах хранились минералы и кристаллы, и всё вокруг дышало порядком и тишиной.

У него была старшая сестра — Элир. Во всём, что касалось характера, она будто принадлежала другой стихии. Элир выбрала корпус стражей купола, и в ней почти не было ни отцовской медлительной вдумчивости, ни материнской мягкости. Она жила порывом. Быстро загоралась, быстро принимала решения, говорила прямо и не умела скрывать раздражение, если считала кого-то неправым. В ней было столько силы, движения и внутреннего огня, что Каэл одновременно восхищался ею и уставал рядом с ней.

Там, где он предпочёл бы остановиться, понаблюдать и подумать, Элир уже действовала. Она могла вспыхнуть в споре, резко оборвать собеседника, высказать свое мнение, а через час снова говорить спокойно, словно ничего не произошло. В ней была та стремительность, которой самому Каэлу всегда не хватало.

И всё же именно Элир защищала его яростнее всех. Если кто-то в Академии позволял себе насмешку или снисходительный тон, она узнавала об этом почти сразу. Иногда Каэлу казалось, что сестра чувствует опасность ещё до того, как та успевает приблизиться, — просто потому что никогда не боялась смотреть ей в лицо.

В их семье любовь редко выражали словами. Она жила иначе: в привычных жестах, в молчаливой заботе, в уверенности, что тебя ждут, что тебя берегут. Это была забота, похожая на подводное течение: почти незаметная, пока не поймёшь, что именно она всё это время удерживала тебя на плаву.

Наверное, поэтому Каэлу так долго казалось, что его жизнь будет простой и ясной. Наука. Работа в лаборатории и спокойствие дома. Тишина под защитой купола.

И даже теперь, стоя перед тёмной водой за пределами Нереи, когда вокруг раскинулась молчаливая бездна, он всё равно нёс в себе этот образ — как тёплый свет, к которому можно вернуться мысленно, если вокруг становится слишком темно.

Он провёл рукой по ремню лёгкого водного костюма. Материал плотно облегал тело, не стесняя движений длинных пальцев с прозрачными перепонками. На шее, у основания челюсти, тонкими бледными линиями тянулись жаберные щели, почти незаметные, пока он оставался вне воды.

Каэл был выше большинства жителей Нереи, и его внешность сразу выдавала те изменения, что поколениями закреплялись у людей, живущих в глубине. Его тело словно принадлежало океану с рождения: длинные руки, гибкая спина, плавные движения. Узкие плечи оставались сильными — следствие жизни в плотной среде. Светлая кожа с едва заметным серебристым отливом при определённом освещении словно ловила на себе отблески воды.

Лицо у Каэла было необычайно гармоничным: высокие скулы, прямой нос, мягкая линия губ. Всё это придавало ему чуть отстранённое выражение. Но сильнее всего запоминались глаза — тёмно-бирюзовые, со зрачками, способными расширяться сильнее, чем у обычных людей, чтобы видеть в полумраке глубин. Иногда в слабом свете в них вспыхивал едва уловимый голубоватый отблеск.

Его волосы были тёмными, почти чёрными, но под светом люминесцентных водорослей в них проступал холодный сине-зелёный отлив. Мягкие пряди спадали до плеч и свободно плавали вокруг лица, когда он находился в воде.

Несмотря на мутации, Каэл не казался пугающим. Скорее, по-своему, нечеловечески красивым. В нём было что-

то от самого океана: тихая глубина, скрытая сила, отстранённость, за которой жила внимательность. Он двигался так, будто каждое его движение было заранее обдуманно. И продолжал наблюдать, мысленно разбирая мир вокруг на тонкие, едва заметные связи.

— Шлюз готов, — раздался голос из динамика.

Металлические створки медленно разошлись. Холодная вода хлынула в камеру.

На миг тело Каэла напряглось — древний, унаследованный страх утонуть всё ещё жил в человеке, сколько бы поколений ни сменилось под толщей океана. Он закрыл глаза, позволил воде подняться к шее и почувствовал, как оживают жабры. Поток прошёл сквозь них, и тревога растаяла, растворилась, будто её и не было.

Каэл открыл глаза и шагнул вперёд.

Оттолкнувшись от платформы шлюза, он плавно скользнул вниз вдоль купола Нереи. Океан принял его сразу — холодный, тяжёлый, бесконечно тихий. Каэл всегда любил смотреть на город снаружи. Огромный купол поднимался со дна прозрачной полусферой, удерживая хрупкий остров человеческой жизни среди бесконечной толщи воды. Его поддерживали массивные металлические арки, врезавшиеся в каменное дно. Они расходились вокруг города широкими дугами, напоминая рёбра гигантского скелета, обнимающего Нерею и защищающего её от давления глубины.

По этим аркам тянулись энергетические каналы — тонкие

линии голубого света. В них медленно текла энергия кристаллов, наполняя город жизнью: питая фильтры для воды, освещение улиц и щиты купола.

Город словно вырос из морского дна. Его здания поднимались плавными, округлыми формами, напоминая раковины, коралловые башни и застывшие гребни волн. Камень, металл и кристаллы переплетались в единые конструкции, которые казались одновременно созданными людьми и выточенными самим океаном.

Улицы Нереи текли между домами мягкими, почти живыми изгибами — то сужаясь до тесных проходов, то внезапно раскрываясь в широкие площади, где особенно остро чувствовалось дыхание города. Вдоль стен и арок мерцали прозрачные колбы и широкие чаши с биолюминесцентными водорослями — главным светом подводного мира. Их холодное голубое и мягкое зелёное сияние разливалось по камню, стеклу и металлу, превращая Нерею в бесконечное кружево медленно пульсирующих огней.

Иногда это свечение касалось внутренней поверхности купола, отражалось в ней дрожащими бликами и уходило выше — в густую подводную тьму, где свет постепенно растворялся.

Единственный светлый остров среди тысяч метров чёрной воды. Ночью Нерея казалась не просто человеческой колонией. Она была похожа на звезду, упавшую на дно океана и пустившую там корни. А за её пределами начиналась на-

стоящая глубина. Бездонная, молчаливая, почти бесконечная. В ней лишь изредка вспыхивали огни подводных обитателей — холодные, чужие, далёкие. Но сам город оставался неподвижным и величественным, словно древний маяк на дне мира.

Каэл проплыл мимо сторожевой башни. Там дежурили стражи — вооружённые люди в чёрных костюмах. Их работа заключалась в защите купола от морских тварей и редких угроз извне.

Но сегодня они лишь кивнули ему, узнав. Учёные редко выходили наружу без сопровождения. Однако за водорослями можно было отправиться и одному — если держаться у внешних садов.

Каэл опустился на уступ скалы. Перед ним колыхался celý лес биолюминесцентных водорослей. Длинные прозрачные стебли тянулись вверх, мягко сияя голубоватым светом. От прикосновения они вспыхивали ярче, словно откликаясь на присутствие человека. Он осторожно срезал один из пучков и закрепил его в контейнере. Эти водоросли были почти совершенны. Они очищали воду, выделяли кислород, давали мягкий свет. И прекрасно росли в домашних резервуарах.

Сегодня Каэл впервые по-настоящему обустроивал собственное жильё в научном секторе Нереи. Дом был небольшим и удивительно уютным, будто сам океан бережно прятал его среди плавных улиц подводного города. Его стены мягко изгибались, напоминая внутреннюю сторону ракови-

ны — светлой, гладкой, почти живой. А круглое окно, похожее на старинный иллюминатор, ловило нежные отблески городских огней. В этом доме было что-то спокойное, почти ласковое. Всё здесь располагало к тихой работе, к мечтам и долгим мыслям, которые рождаются рядом с безмолвным дыханием океана.

Каэл уже видел, как постепенно это место станет его настоящим убежищем. На полках появятся колбы с редкими образцами, минералы, поднятые со дна, небольшие резервуары с коралловыми формами и крошечными организмами, ещё не изученными до конца. Для него это было не просто дом. Он обустроивал первое собственное пространство — место, где океан, тишина и наука смогут существовать рядом. Его ждали исследования, медицина, работа с энергетическими кристаллами — самым важным ресурсом Нереи. Их изредка находили на океанском дне, и ценность этих находок была огромна. Именно кристаллы снабжали город энергией. Без них он погрузился бы во тьму.

Но добыча оставалась делом добытчиков. Учёные лишь изучали кристаллы, и Каэла это устраивало. Он хотел помогать людям, исследовать тайну этих энергетических камней и однажды найти иной источник — такой, который позволит Нерее жить дальше, не цепляясь за редкие дары океанского дна. Ведь подводный мир огромен.

Он закрепил последний пучок водорослей в контейнере и оглянулся на город. Сквозь купол мягко сияли огни улиц,

в центре возвышалась главная башня Хранителей глубин. Именно они управляли Нереей. Туда входили представители четырёх основных корпусов: смотрители купола, учёные, добытчики океана и стражи глубин. Каждое решение принималось после долгих обсуждений — новые экспедиции, распределение ресурсов, защита и процветание города.

Каэл редко задумывался о политике. Он просто доверял Хранителям.

Нерея существовала уже несколько столетий после гибели старого мира. И за это время город сильно изменился. Из небольших разрозненных подводных модулей постепенно сложилась единая колония, названная в честь древнего морского бога Нерея.

Каэл поплыл обратно к шлюзу, держа контейнер с водорослями. Впереди его ждала новая жизнь.

Он ещё не знал, что совсем скоро Хранители глубин произнесут его имя на собрании. И вместо тихой лаборатории отправят туда, куда он никогда не собирался. Туда, где начнётся история, способная изменить не только его судьбу, но и судьбу всей Нереи.

Глава 2. Тайна кристаллов

На следующий день Каэла вызвали в зал Хранителей глубин.

Сообщение пришло утром, когда он расставлял привезён-

ные из внешних садов водоросли в своём новом жилье в научном секторе. Каэл ещё не успел освоиться здесь, но комната уже понемногу принимала его черты. У стены стояли закрытые контейнеры с минералами и морскими образцами, на рабочем столе лежали раскрытые записи, а свободные полки постепенно занимали тонкие связки пластин с заметками.

В Нерее к бумаге относились с почтением. Её делали не так, как в старом мире: из волокнистых подводных растений, обработанных особыми составами. Сушили под прессом, чтобы листы не коробились от влажности и могли пережить долгие годы. Такая бумага была плотной, чуть шероховатой, с едва уловимым запахом соли и травяной горечи. Из неё сшивали книги, не боящиеся сырости — учебники, дневники наблюдений, медицинские справочники, атласы глубинных форм жизни. Каэл любил книги, ему нравилось проводить пальцами по страницам, всматриваться в выцветшие строки, читать чужие пометки на полях, оставленные чьей-то рукой много лет назад. В такие мгновения ему казалось, что знание живет намного дольше людей.

Он уставился на пластину вызова, не веря написанному.
«Зал Хранителей глубин. Верхний сектор. Немедленно».

Каэл перечитал строку ещё раз, словно надеясь, что она изменится.

Зачем вызывать его лично?

Он не был ни выдающимся исследователем, ни человеком, чьё имя что-то значило в политике Нереи. Да, старшие учёные помнили Тарена и говорили о нём с уважением. Но сам Каэл оставался всего лишь недавним выпускником Академии, получившим место в медицинской лаборатории.

И всё же вызывали именно его.

Дорога в верхний сектор заняла немного времени, но с каждым уровнем внутри росло глухое, неясное напряжение. Чем выше он поднимался, тем тише становилось вокруг. Растворялся привычный шум жилых переходов, исчезали приглушённые разговоры и дробный ритм городской жизни. Здесь стены были светлее, линии строже, а свет биолюминесцентных водорослей, заключённых в большие резервуары, мягко ложился на гладкий камень и металл.

Каэл редко бывал здесь.

У входа он показал табличку дежурному стражу. Его провели не в зал заседаний, а в узкую закрытую комнату. У окна стоял мужчина в тёмно-синем одеянии.

Он обернулся, и Каэл сразу узнал его.

— Хранитель Энар, — тихо произнёс он, приветственно склоняя голову.

Энар был одним из старших Хранителей глубин и представлял научный корпус. В детстве Каэл видел его у них дома всего несколько раз, но запомнил хорошо. Он приходил к отцу поздними вечерами, долго говорил с ним, и после этих разговоров Тарен становился ещё тише, чем обычно. В памя-

ти Каэла Энар навсегда остался человеком спокойным, умным и опасно внимательным — из тех, кто замечает больше, чем говорит.

Энар кивнул:

— Подойди. Нам нужно поговорить без свидетелей.

Каэл приблизился.

На столе перед Хранителем ожила голограмма: проектор отобразил карту океанического сектора вокруг Нереи — знакомые маршруты, старые зоны добычи, участки рифов, внешние течения и отдаленные пространства, куда обычные исследовательские группы почти не заходили.

Одна из точек пульсировала бледно-красным светом.

Энар коснулся панели, и по стенам комнаты пробежала тонкая защитная волна. Купол тишины. Значит, разговор и правда не предназначался для чужих ушей.

— Ты похож на отца, — сказал Энар, не сводя с Каэла внимательного взгляда.

Внутри всё сразу напряглось. Такие слова редко произносили случайно.

— Надеюсь, вы позвали меня не затем, чтобы сообщить это, — ответил Каэл.

Энар помолчал.

— Нет. Я сказал это, чтобы ты понял: я хорошо знаю Тарена. Достаточно хорошо, чтобы сейчас говорить с тобой без лжи.

Он опустил взгляд на карту.

— Каэл, я не стану тратить время на объяснения. У Нерее проблема, о которой не знают жители города. Не знает большинство учёных, и даже среди Хранителей о ней известно не всем.

Он поднял глаза.

— Наши энергетические кристаллы истощаются.

Несколько секунд Каэл просто смотрел на него.

— Это невозможно, — наконец произнёс он. — Новые образцы продолжают поднимать со дна. Добыча не прекращалась. Центральные узлы...

— Работают, — перебил Энар. — Пока. На старых запасах, на остатках прежних месторождений и на том, что добытчики всё ещё находят в глубине. Но объёмы падают уже давно. Новые залежи встречаются всё реже. Те, что есть, постепенно иссякают. И, если ничего не изменится, однажды Нерее просто нечем будет питать купол, фильтры, внутренние щиты, медицинские системы и узлы жизнеобеспечения.

Каэл взглянул на карту.

В памяти всплыли голубые линии энергетических каналов, бегущие по аркам купола. Тонкие жилы света, которые он видел снаружи. Спокойное, прекрасное сияние города во тьме. Впервые он ясно представил, что будет, если этот свет начнёт гаснуть.

— Почему об этом никто не знает? — тихо спросил он.

Энар устало выдохнул:

— Потому что страх убивает города быстрее, чем исто-

щение ресурсов. Если жители Нереи узнают, что основа их жизни конечна и запасов может не хватить, хаос начнётся задолго до настоящего кризиса.

Каэл молчал. Он всегда доверял Хранителям. Не слепо и не восторженно — а так, как доверяют устойчивой системе, которая десятилетиями удерживает жизнь под толщей океана. Но сейчас в этой доверии впервые проступила трещина.

— Тогда зачем вы говорите это мне? — спросил он.

— Потому что появился шанс всё исправить, — ответил Энар. — И вместе с этим шансом пришло нечто, с чем мы не можем справиться привычными средствами.

Он коснулся проектора. Над столом возникло изображение острова — тёмной скалистой поверхности, поднимающейся над водой. Каэл видел подобные места только на старых схемах и в редких учебных материалах. Поверхность Земли оставалась для жителей Нереи почти такой же чужой, как и самые глубокие впадины океана: опасная, плохо изученная, незащищённая территория.

Затем изображение сместилось, и по рельефу проступили россыпи кристаллов. Они не были похожи на привычные образцы. Те кристаллы, что использовали в городе, были тёмными, вытянутыми, плотными, с мягким внутренним голубым свечением. Эти же казались совсем другими — ярче, острее, и по форме они напоминали осколки стекла. В их гранях дрожал резкий свет — оранжевый, местами отдающий багрянцем.

Даже на проекции они выглядели опасными.

— Разведчики передали нам данные об этом месторождении, — сказал Энар. — Возможно, крупнейшем за многие годы. Но структура этих кристаллов отличается от известной нам.

— Насколько сильно? — Каэл невольно подался ближе.

— Их энергетический отклик выше. Реакции — сильнее. Они повреждают стандартные контейнеры, нестабильно взаимодействуют с металлом и, судя по предварительным данным, слишком быстро переходят в активную фазу, если пытаться отделить их от породы.

Каэл нахмурился.

— Если месторождение настолько важно, туда должны были отправить исследовательскую группу.

Энар посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом:

— Мы отправили.

Каэл замер.

— Что с ними случилось?

Энар помолчал.

— Группа не вернулась.

Эти слова повисли в комнате с той же тяжестью, что и сказанное ранее об истощении кристаллов.

— Что произошло? — спросил Каэл.

— Мы не знаем точно. Связь оборвалась. Уцелели лишь фрагменты наблюдений и часть сенсорных данных. Судя по ним, месторождение нестабильно. Возможно, дело в самих

кристаллах. Возможно — не только в них.

Каэл почувствовал холод в ладонях.

Океан он любил. И тьму глубины — тоже. Но поверхность, мёртвые скалы, неизвестное месторождение, иная структура кристаллов и пропавшая группа стражей — всё это казалось чужим и слишком далёким от той жизни, к которой он готовился.

— Я всё ещё не понимаю, почему вы позвали меня, — сказал он.

Энар долго молчал, словно именно к этому и вёл разговор. Потом убрал изображение острова, оставив только мягкое свечение карты, и произнёс:

— Потому что есть ещё одна правда, которую от жителей Нерей скрывали слишком долго.

Каэл медленно поднял на него взгляд.

— Твой отец знал часть этой правды, — продолжил Энар. — Не всю, но достаточно, чтобы начать задавать вопросы, опасные уже тогда.

Имя отца, прозвучавшее в таком контексте, заставило Каэла напрячься ещё сильнее.

— Какие вопросы?

Энар не ответил сразу. Вместо этого он вызвал новую проекцию.

Перед Каэлом вспыхнули старые архивные схемы, фрагменты разрушенных записей, древние технические обозначения и изображения кристаллических структур — не тех,

что показывали на открытых курсах Академии.

— Всё, что вам рассказывали о происхождении энергетических кристаллов, — неполная версия, — сказал Энар. — Для большинства жителей Нереи кристаллы — редкий ресурс, который начали находить уже после Великой Катастрофы. Ценный, опасный, но естественный для нового мира.

Он сделал короткую паузу.

— Это неправда.

Каэл смотрел на Энара и чувствовал, как внутри поднимается странное состояние, когда разум ещё цепляется за прежнюю картину мира, но уже понимает, что она трещит и осыпается, как тонкий лёд.

— Кристаллы не принадлежат Земле, — тихо произнёс Энар. — Это осколки другого мира. Фрагменты небесного тела, столкнувшегося с нашей планетой сотни лет назад. Именно этот удар вызвал Катастрофу, растопил ледники, поднял уровень воды и уничтожил старую цивилизацию. Подводные корабли и убежища, из которых позже выросла Нерея, создавались как последние шансы на выживание. А кристаллы, которые сейчас поддерживают жизнь города, — остатки того самого столкновения.

Тишина в комнате стала почти ощутимой. Каэл не сразу заметил, как сильно сжал кулаки: ногти впились в кожу.

Он вспомнил купол Нереи снаружи, голубые жилы энергии по аркам, свои мечты изучать кристаллы в лаборатории и однажды найти новый источник жизни для города.

Теперь всё это вдруг поменяло смысл.

— Нет, — выдохнул он. — Если бы это было правдой, об этом знали бы хотя бы в научном секторе.

— Опасные знания скрыли, — ответил Энар. — Именно так мы сохраняли порядок. Сначала — чтобы не допустить паники среди потомков выживших. Потом — потому что жизнь Нерее целиком стала зависеть от этих кристаллов. Мы хотели дать людям время. Решить проблему. Найти выход.

— Мой отец... что он знал?

— Он подозревал, что кристаллы не являются обычной породой океанического происхождения. Видел несоответствия в их структуре и пытался сопоставить их с ранними архивами о Катастрофе. Но до полной правды не дошёл.

Каэл резко поднял голову:

— Хотите сказать, его остановили?

Энар выдержал его взгляд.

— Мне пришлось. Некоторые знания в Нерее всегда считались слишком опасными. И я дал ему выбор: между открытием правды и безопасностью семьи.

Этого было достаточно. Каэл отвернулся к окну. За прозрачной панелью медленно проплывали огни биолюминесцентных водорослей, такие же, как у внешних садов. Океан за куполом оставался прекрасным, молчаливым, огромным. Но теперь в этом молчании ощущалось что-то иное — трепет перед миром за пределами купола, слишком большим и

опасным, чтобы думать о нём спокойно.

— Почему вы говорите мне это сейчас? — спросил он уже тише.

Энар подошёл ближе к столу.

— Потому что у нас нет выбора. Новое месторождение может спасти Нерею. По крайней мере, дать ей время. Но только если мы поймём, как работать с этими кристаллами. Как добывать их на месте. Как изолировать и транспортировать. Как не дать им уничтожить всё ещё до того, как они попадут в город.

Он снова вывел на проектор изображение острых светящихся образцов.

— Мне нужен не просто учёный, — сказал Энар. — Опытных специалистов в Нерее хватает. Но большинство из них слишком узко смотрят на кристаллы: для одних это лишь источник энергии, для других — объект расчётов и отчётов. Они будут пытаться подчинить новое месторождение привычным схемам. И это может погубить ещё одну группу.

Он чуть подался вперёд, и голос его стал тише:

— Ты вырос в семье, где океан никогда не считали просто ресурсом. Твой отец изучал внешние экосистемы, мать — то, как живая природа глубин меняет человеческое тело. Ты смотришь на вещи как на часть единой системы. Именно это сейчас важно.

Энар на мгновение замолчал.

— Мне нужен человек, который не станет видеть в этих

кристаллах только породу или топливо. Тот, кто заметит связи между их структурой, средой, поведением и опасностью. Кто поймёт, как к ним подойти, прежде чем прикажет ломать и вывозить. И кто не побоится признать, что старые знания здесь могут оказаться бесполезными.

Он снова посмотрел Каэлу прямо в глаза:

— Поэтому мне нужен ты.

Каэл долго молчал.

Он всегда хотел изучать кристаллы и их природу. Но мечтал о тихой работе в лаборатории, а не о пути к поверхности, к опасному месторождению, где уже погибла группа стражей.

— Что именно вы просите? — наконец спросил он.

— Отправиться с новой экспедицией. Изучить месторождение на месте. Понять, чем эти кристаллы отличаются от тех, что питают город сейчас. Найти способ их безопасной добычи. И, если возможно, установить, что именно убило первую группу.

— Значит, у меня нет выбора.

И в тот же миг он понял, что это правда. Если кристаллы действительно заканчиваются, речь уже идет не о его мечтах. Речь о том, выживет ли город.

Каэл прикрыл глаза. Мысль о том, что всё это придётся скрыть от семьи, отозвалась почти физической болью.

— Когда отправление? — спросил он.

— Скоро. Очень скоро. Времени на подготовку почти нет.

Каэл перевёл взгляд на остров на карте. Маленькая отметка среди огромной воды. Точка, от которой теперь зависело слишком многое.

— Если я соглашусь, — сказал он, — я хочу доступ ко всем данным, которые у вас есть. К сенсорам, к фрагментам записей, к ранним архивам по кристаллам. Ко всему.

Впервые за весь разговор в лице Энара появилось что-то похожее на слабое одобрение.

— Ты действительно сын Тарена.

— Это не ответ.

— Это значит, что доступ ты получишь. Настолько полный, насколько я смогу его открыть.

Каэл ещё несколько секунд смотрел на проекцию. Потом спросил:

— А если выяснится, что эти кристаллы невозможно использовать?

Энар ответил не сразу.

— Тогда ты скажешь мне правду, даже если она будет означать, что Нерее не на что надеяться. И мы найдём другой выход. Не можем не найти.

Каэл медленно выдохнул. Ему хотелось сказать, что он не готов. Что только окончил Академию. Что его место — в лаборатории, среди образцов, мутаций, медицинских исследований и кропотливой научной работы. Что он не создан для опасных экспедиций, секретов Хранителей и чужой правды, слишком тяжёлой для одного человека.

Но это было бы правдой лишь наполовину. Потому что другая половина уже тянулась к неизвестному, к тайне кристаллов. К ответам, которые когда-то искал его отец. К возможности по-настоящему помочь Нерее, а не просто наблюдать со стороны.

Он поднял голову:

— Я пойду.

Энар долго смотрел на него, будто взвешивал не сам ответ, а всё, что за ним последует. Потом взял со стола узкий запечатанный носитель данных и протянул его Каэлу:

— Здесь всё, что у нас есть по месторождению. Координаты, первичные замеры, фрагменты передачи разведчиков и часть архивов, которые я держал закрытыми многие годы.

Каэл взял носитель. Он оказался удивительно холодным.

— Запомни главное, — тихо произнёс Энар. — На острове ты будешь иметь дело не просто с новым источником энергии. Ты окажешься рядом с веществом, природу которого человечество до сих пор не понимает. Не относись к этим кристаллам как к обычным камням.

После этого Энар отключил купол тишины и смахнул изображение проектора. Комната снова стала обычной: стол, окно, мягкий свет, тёмная вода за прозрачной стеной. Но для Каэла всё уже изменилось.

Из верхнего сектора он вышел другим человеком.

Переходы Нерей были такими же, как утром. Люди спешили по своим делам, сменялись стражи, работали фильтры,

мерцали водоросли в световых чашах, где-то вдали звучали сигналы внутренней связи. Город жил привычной жизнью, не зная, что его сердце медленно истощается.

Каэл шёл среди этого спокойствия и чувствовал, каким болезненно хрупким оно стало.

Остановившись у обзорной панели, он снова увидел только воду — чёрную, медленную, почти бесконечную. В ней вспыхивали редкие огни — будто звёзды, заблудившиеся в океане.

Вчера эта тьма казалась ему умиротворяющей. Теперь в ней скрывался вопрос, от которого зависело будущее Нереи.

Он коснулся пальцами холодной панели, как накануне касался поручня у шлюза, и подумал, что уже никогда не сможет смотреть на энергетические линии купола так же, как раньше.

Город жил благодаря осколкам чужого мира. А он сам согласился отправиться туда, где этих осколков, возможно, было больше, чем где-либо ещё. И за их открытие уже пролилась кровь.

Глава 3. Экспедиция

Дом встретил Каэла той же тишиной, что и утром.

Он закрыл дверь и несколько мгновений стоял неподвижно, будто не решаясь сделать ещё один шаг. Потом медленно положил на стол запечатанный носитель Энара.

Тонкая пластина металла и тёмного стекла казалась слишком холодной, слишком чужой для этого дома. Каэл долго смотрел на неё, не решаясь прикоснуться снова. Ему чудилось, будто вместе с этим небольшим предметом он принёс сюда не просто данные, а нечто иное — опасное знание, которое уже вошло в его жизнь и останется в ней навсегда.

Наконец он активировал панель. Над столом вспыхнула проекция. Сначала открылся файл с официальным назначением. Формулировки были сухими, точными и предсказуемо неполными. Каэл, выпускник Академии, временно включался в состав исследовательской экспедиции как младший специалист по анализу кристаллических структур и адаптивных реакций среды. Цель экспедиции — предварительная оценка нового месторождения и выработка рекомендаций по его дальнейшему безопасному изучению и освоению.

Ни слова о погибшей группе, об истощении запасов Нереи и подлинном происхождении кристаллов. Только безупречная официальная версия — гладкая, холодная, выверенная, как полированный металл.

Каэл медленно опустился на стул и открыл следующий файл. Над столом развернулась карта. Тёмная поверхность океана, цепочки течений, отмеченные глубинные маршруты, подводные скалы — и одинокая точка острова, поднявшегося над водой. Даже на схеме месторождение выглядело странно: грубое, рваное образование среди бескрайней толщи воды, лишённое той плавности, к которой привыкаешь в

мире глубины.

Поверхность пугала уже одним своим видом. Он увеличил изображение. Скалистые выступы, разломы, тёмные участки породы. Несколько зон, отмеченных как опасные. А в центре — россыпь сигналов, соответствующих месторождению.

Следом система открыла данные о залежах. Плотность кристаллических скоплений. Глубина проникновения в породу. Предварительный объём. Первые расчёты казались почти невероятными: если показания сенсоров верны, месторождение действительно могло подарить Нерее годы жизни. Возможно, даже десятилетия.

Но уже следующие файлы стирали эту надежду. Структура новых кристаллов заметно отличалась от привычной. Их внутренние энергетические контуры были неровными, будто надломленными. Реакция на внешнее воздействие возникала слишком быстро. Тепловой отклик при контакте с металлом возрастал скачком. Несколько тестовых контейнеров, сброшенных разведчиками дистанционно, были повреждены через короткое время. Один разрушился полностью.

Каэл перевёл проекцию в режим послойного анализа. Хорошо, что разведчики успели провести хотя бы часть измерений.

На экране возникли схематические модели. Обычные кристаллы Нерей выглядели плотными и устойчивыми: тёмное ядро, предсказуемое распределение энергии. В новых не было устойчивого центра. Энергия распределялась неравно-

мерно, словно металась внутри и искала выход наружу.

Он открывал один отчёт за другим. Нестабильность при отделении от породы. Взрывоопасность при сильном давлении. Агрессивная реакция на сплавы при транспортировке, разрушение изоляции.

Каэл прикрыл глаза и потёр переносицу. Энар был прав: стандартные методы добычи здесь не сработают. Если с этим месторождением обращаться так же, как с обычными глубинными кристаллами, то можно потерять и его, и половину оборудования.

Он открыл следующий раздел.

Сенсорные отчёты первой группы.

Внутри неприятно сжалось.

Сначала шли сухие данные: температура воздуха на поверхности, колебания электромагнитного поля, уровни излучения, скорость ветра, изменение активности кристаллов при приближении людей. Затем — короткие фрагменты наблюдений. Некоторые строки были повреждены, часть символов утрачена.

...кристаллы входят в активную фазу быстрее расчётного времени...

...визуальное свечение усиливается при приближении на три метра...

...контейнер номер два повреждён...

...не рекомендую прямой контакт без дополнительной изоляции...

Каэл листал дальше, всё быстрее, пока не дошёл до звукового файла.

Фрагмент передачи. Последняя запись.

Он помедлил всего секунду, потом включил воспроизведение. Сначала из динамиков ударил глухой шум. Помехи. Порывы ветра. Скрежет. Затем прорезался голос — напряжённый, резкий, едва различимый за помехами:

— ...повторяю, участок нестабилен... не подходит к центральному разлому!

Шум усилился.

— ...свечение растёт... слишком быстро...

И второй голос, более далёкий:

— Это не из-за света, смотри справа!

Резкий треск. Потом — крик, почти поглощённый помехами:

— Отступаем! Всем назад, назад!

Ещё один всплеск шума. Металлический скрежет. И на одно короткое мгновение — странный звук, который Каэл не смог бы сразу определить: будто что-то ударило по камню, но в этом ударе было нечто неправильное, не до конца механическое... и не живое.

А потом ещё один голос:

— Там кто-то...

Запись оборвалась. Проекция погасла на полсекунды и снова вывела архивный список файлов, будто ничего не произошло.

Каэл сидел неподвижно. В комнате снова стало тихо, только мягко пульсировал свет водорослей в резервуаре у стены. Он медленно выдохнул и включил запись ещё раз. Потом ещё. На третьем прослушивании он уже меньше вслушивался в крики и больше — в промежутки между ними. В шум ветра. В фон. В тот странный миг перед последним обрывком фразы.

Там кто-то...

Не *что-то*. Кто-то.

Каэл выключил запись и замер, глядя в пустое пространство над столом. Это мог быть бред испуганного человека. Ошибка восприятия. Искажение, вызванное вспышкой кристаллов, помеха. Но внутри уже шевельнулось другое чувство. Более тёмное и тревожное.

На них могли напасть. Но кто? Другая колония? Чужая разведка? Или, наоборот, это первая группа Нереи вторглась на чужую территорию, сама того не зная?

Он поднялся, подошёл к окну и посмотрел в темноту за прозрачным куполом. Огни Нереи мягко мерцали внизу, отражаясь от стекла и растворяясь в глубине. Всё выглядело спокойным, как всегда. Но теперь он знал: где-то далеко, на холодной и чужой поверхности, лежит месторождение, способное спасти город — или погубить ещё одну группу. И, возможно, их там ждала не только нестабильность кристаллов.

За спиной тихо приоткрылась дверь. Каэл резко обернул-

ся. На пороге стояла Элир. Как и всегда, она вошла так, словно имела на это полное право. В её движениях жила привычная собранность, в лице — резкость, ставшая почти второй натурой. Часть защитного снаряжения после смены она уже сняла, но короткий тёмный жилет стража всё ещё сидел на ней, как вторая кожа.

Её взгляд скользнул по столу, по светящейся проекции, по лицу брата.

— Я стучала, — сказала она. — Ты не ответил.

— Я не слышал.

Элир прищурилась:

— Вижу. Я забежала на минуту. Принесла тебе поесть.

Она вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Несколько секунд молча рассматривала его, и от этого молчания становилось не по себе сильнее, чем от любого вопроса.

— Что случилось? — наконец спросила она.

— Ничего.

— Плохой ответ.

Каэл отвернулся к столу и убрал часть проекции, оставив только карту исследовательского сектора.

— Это просто материалы по распределению, — сказал он.

— Новый участок работы.

Элир подошла ближе.

— В медицинской лаборатории теперь выдают карты поверхности?

Он промолчал.

— Каэл.

В её голосе не было мягкости. Была тревога, прикрытая привычной жёсткостью.

— Всё в порядке, — сказал он.

— Ты лжёшь.

Слова прозвучали без колебаний, как удар. Каэл медленно поднял взгляд. В детстве Элир защищала его яростнее всех, и, наверное, именно поэтому лгать ей было труднее, чем кому бы то ни было. В их семье вообще не привыкли к прямой лжи. К молчанию — да. К недоговорённости — тоже. Но не к этому.

— Мне просто дали другое поручение, — признался он.

— Временно. Это связано с кристаллами.

— Какое поручение?

— Исследовательское.

— Слишком общее слово.

Если бы не было так тяжело, он, наверное, усмехнулся бы. Эта её привычка — сразу вонзаться в слабое место чужого ответа — никуда не исчезла.

— Меня включили в группу по анализу нового месторождения, — произнёс он, тщательно выбирая слова.

Элир замолчала. Её взгляд стал настороженным:

— Нового месторождения? Где?

Он хотел было соврать снова, но понял, что этим только всё испортит.

— На поверхности.

Элир резко выпрямилась.

— Что?

— Это временное назначение.

— Ты только окончил Академию!

— Я знаю.

— Ты учёный, Каэл. Не полевой разведчик.

— Верно.

— Тогда какого течения они отправляют тебя туда?

Раздражение вспыхнуло в ней мгновенно — как всегда, когда страх подходил слишком близко. Каэл опустил взгляд.

— Я не могу рассказать больше.

Повисла тишина. Элир долго и пристально смотрела на него.

— Хранители? — спросила она тихо.

Каэл не ответил.

— Значит, Хранители.

Он всё ещё молчал.

Элир отвела взгляд, сжала челюсть, потом снова посмотрела на него:

— Это опасно?

Он хотел сказать: *нет*. Почти сказал. Но не смог. Слишком свежи были в памяти треск, помехи, крик «всем назад» и оборванное «там кто-то...»

— Не знаю, — ответил он честно.

И это, кажется, напугало её сильнее любого другого ответа. Элир медленно выдохнула.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже.

— Ты мог отказаться?

— Не думаю.

Сестра отвернулась, подошла к окну и несколько секунд смотрела на огни города. Потом сказала уже тише:

— Если не хочешь говорить, я не буду вытаскивать силой. Пока, но не думай, что я поверю в твоё спокойствие.

Он ничего не ответил. Элир подошла к двери, но перед тем как выйти, обернулась.

— Просто вернись, — сказала она. — Что бы там ни было, просто вернись обратно.

Дверь закрылась. Каэл остался один. Несколько секунд он стоял неподвижно, чувствуя, как в груди тяжело пульсирует вина. Скрывать правду от Элир оказалось труднее, чем он предполагал.

К вечеру пришёл второй вызов — на этот раз не в верхний сектор, а в закрытый ангар внешних экспедиций. Там он впервые увидел группу, с которой должен был отправиться.

Ангар располагался в старой части внутреннего периметра Нерей, ближе к нижним шлюзам. Здесь архитектура заметно отличалась от новых уровней города. Линии были грубее, металл — темнее, а своды казались ниже. В этих стенах всё ещё чувствовалось происхождение Нерей: не как города, а как убежища, собранного из древних модулей для выживания.

Некоторые секции сохраняли очертания старых транспортных капсул — тех самых герметичных отсеков, на основе которых когда-то и выросла колония. Их корпуса были массивными, рассчитанными не на красоту, а на жизнь: толстые швы, усиленные рёбра, узкие проходы, древние крепления, вросшие в новую архитектуру так, будто город не построили заново, а вырастили вокруг первого скелета.

Каэл невольно задержал взгляд на одном из таких корпусов.

Он много раз слышал о первых модулях Нереи, но видеть их так близко было странно. В них ещё жила память о том времени, когда подводные капсулы не были частью города — только последним убежищем для тех, кто пытался выжить, пока старый мир тонул наверху.

— Ты и есть учёный? — раздался рядом чужой голос.

Каэл обернулся.

Перед ним стоял высокий мужчина в тёмном защитном снаряжении стражей. Даже без знаков отличия в нём сразу угадывался тот, кто привык отдавать приказы и не повторять их дважды. Широкие плечи, тяжёлая посадка головы, прямая спина. Лицо его казалось выточенным из тёмного камня: жёсткая линия рта, коротко стриженные волосы с лёгкой проседью у висков, старый шрам у правого глаза, уходящий к скуле. Взгляд — холодный, цепкий, из тех, что в первую очередь ищут угрозу, а уже потом замечают человека.

— Рован. Командир группы, — представился он.

Каэл коротко кивнул и назвал свое имя.

Чуть поодаль стояли остальные. Первой Каэл заметил женщину из стражей — высокую, сухую, с очень светлой кожей и короткими серебристыми волосами, почти белыми в свете ангарных ламп. Её лицо казалось спокойным, но в этом спокойствии было что-то хищное: неподвижный взгляд серо-зелёных глаз, тонкий шрам у подбородка, привычка держать руку рядом с оружием даже тогда, когда опасности не видно. Она стояла чуть в стороне, как будто наблюдала за всеми сразу и мысленно оценивала, кто из них станет слабым звеном.

— Иара, — коротко сказала она, поймав на себе взгляд Каэла.

Рядом с ней находился второй воин — моложе Рована, но уже с тем выражением лица, которое появлялось у людей, слишком часто смотревших в темноту глубин. Невысокий, широкоплечий, с бронзовой кожей и густыми чёрными волосами, собранными в короткий узел на затылке. Его нос когда-то был сломан и сросся неровно, а левую бровь пересекал белёсый рубец. Он ничего не сказал, только скрестил руки на груди и окинул Каэла тяжёлым, недоверчивым взглядом.

— Дерн, — бросил Рован вместо него.

Чуть дальше, у разобранного крепления контейнера, возился техник. Сухощавый, подвижный, с длинными нервными пальцами, испачканными в мазуте и тёмном налёте металла. На вид он был старше Каэла всего на несколько лет,

но держался так, будто уже давно привык жить в компании механизмов и чужих ошибок. Острый подбородок, взъерошенные медно-рыжие волосы, тонкие губы, быстрый взгляд светлых глаз, в которых всё время мелькала напряжённая работа мысли. Даже когда он молчал, казалось, будто внутри него что-то щёлкает, считает, сопоставляет.

— Тавис, техник, — сказал он, не отрываясь от крепления. — Если что-то взорвётся, я хотя бы попробую понять, почему.

И ещё один человек стоял у грузового модуля — коренастый, широкоплечий, в полурасстёгнутом жилете с эмблемой добытчиков. Он выглядел так, будто его вырубili из цельного куска породы: мощная шея, тяжёлые руки, ладони в старых шрамах и следах ожогов, крупные черты лица, густая тёмная борода, подстриженная коротко и неровно. Волосы, чуть выгоревшие на концах, были перехвачены у затылка кожаным шнуром. В отличие от стражей, он смотрел на Каэла без враждебности — скорее, с грубоватым любопытством.

— Сайрен, — представился он. — Транспортировка и инженерные модули.

Он быстро оглядел Каэла с головы до ног и хмыкнул:

— Молодой.

— Зато, возможно, умный, — бросил Тавис, не поднимая взгляда от контейнера.

— Это мы ещё посмотрим, — сказал Рован.

Никто не улыбнулся. Напряжение в ангаре стало почти

осязаемым — плотным, как давление воды за внешней стеной купола.

Каэл сразу понял: здесь его пока никто не собирается воспринимать всерьёз. Для Рована он был слишком неопытным. Для Дерна — слабым звеном ещё до выхода. Иара смотрела на него так, будто заранее прикидывала, сколько проблем может создать молодой учёный в реальной опасности. Только Тавис, похоже, сохранял равнодушную иронию, а Сайрен — осторожный интерес.

Рован жестом подозвал Каэла ближе.

— Формально ты здесь, чтобы смотреть на кристаллы и говорить нам, чего не стоит делать, — сказал он. — На деле всё проще: не лезь вперёд, не спорь во время выхода и не мешай, если ситуация станет плохой.

Каэл выдержал его взгляд.

— А если именно в этот момент я пойму что-то важное?

На секунду в ангаре стало ещё тише. Дерн чуть заметно усмехнулся, будто уже заранее знал, что мальчишка не понимает, о чём говорит. Иара, напротив, посмотрела на Каэла внимательнее. Сайрен скрестил руки на груди. Тавис наконец выпрямился и перевёл взгляд на людей, словно опасался, что сейчас начнётся что-то интереснее сломанного крепления.

Рован чуть прищурился:

— Тогда говори быстро.

Это не было согласием. Но и отказом тоже.

Позже Каэл осматривал снаряжение вместе с остальными. Костюмы для поверхности отличались от обычных глубоководных: более тяжёлые, плотные, с дополнительной защитой от перепадов температуры, ветра и сухой среды. Усиленные контейнеры собирались из многослойных изолирующих материалов, почти без использования открытого металла. Рядом стояли защитные модули, переносные экраны, аварийные фиксаторы и оружие стражей.

Тавис объяснял устройство запирающих клапанов быстро, почти раздражённо. Сайрен проверял крепления грузовых платформ с основательностью человека, который слишком хорошо знает цену плохо закреплённому грузу. Дерн молча тестировал оружие. Иара перепроверяла защитные ремни и герметичность шлемов.

Каэл остановился у одного из грузовых модулей — старой транспортной капсулы, переделанной под экспедицию. На её тёмной поверхности ещё сохранились стёртые знаки древней маркировки. Массивный корпус, усиленные замки, внутренние крепления, рассчитанные на автономную работу.

Он провёл пальцами по холодному шву и вдруг с пугающей ясностью представил, что именно с подобных капсул когда-то началась Неря. Не город света под куполом, а несколько герметичных отсеков, в которых люди просто пытались выжить, пока наверху тонул старый мир. Теперь одна из этих древних оболочек снова должна была нести людей навстречу неизвестному.

Когда подготовка закончилась и ангар начал пустеть, Каэл задержался у выхода. За толстой прозрачной панелью виднелась внешняя тьма. Не открытый океан — лишь один из закрытых шлюзовых коридоров, но и этого хватало, чтобы почувствовать привычный холод глубины. Странно: океан, который всегда успокаивал его, сейчас не приносил покоя.

Он вернулся домой поздно. Свет в комнате был приглушённым. В резервуаре у стены медленно колыхались водоросли. На столе всё ещё лежала карта острова.

Каэл сел, долго не двигался, потом снова включил последнюю запись пропавшей группы.

Шум. Помехи. Треск.

— ...отступаем...

— ...смотри справа...

— ...там кто-то...

Он выключил запись. Всю жизнь Каэл считал глубину самым опасным и чуждым миром, какой только может встретить человек. Но теперь ему предстояло пройти сквозь неё к поверхности — месту ещё более чуждому и беспощадному.

Следующей остановкой должен был стать остров: сухой, открытый ветру, лишённый привычной защиты воды.

И что бы ни ждало их там, оно уже однажды убило тех, кто ступил туда первыми. Но выбора не было. Теперь он должен был идти до конца. Ради Нерей. Ради ответов, которые не успел получить отец. И ради правды, которая, возможно, окажется опаснее самих кристаллов.

Глава 4. Остров над водой

Когда герметичные створки капсулы начали смыкаться, Каэл вдруг понял, что до этой секунды всё ещё не верил в происходящее до конца. Перед отбытием он успел забежать к родителям попрощаться — быстро, почти на ходу, чтобы не отвлекать их от дел. Провожала его только Элир, да и та почти сразу ушла, не желая показывать своих чувств.

Последняя полоска света из ангара сузилась, дрогнула и исчезла. Металл сошёлся с тяжёлым глухим звуком. Внутри экспедиционного корабля стало теснее и тише, будто вместе с закрытием шлюза от него отрезали не просто пространство Нереи, а весь прежний мир.

Несколько мгновений все молчали.

Слышно было только, как работает внутренняя система жизнеобеспечения, как дрожит в пазах древний металл и как где-то в глубине капсулы медленно набирают ход роторные механизмы.

Каэл сидел у узкого обзорного окна, пристёгнутый к жёсткому креслу, и смотрел, как за толстым стеклом отдаляются огни Нереи.

Город светился мягко и ровно, как всегда. Голубые линии энергоканалов бежали по аркам купола и терялись в глубине. Издалека Нерей казалась почти нереальной — прозрачная полусфера света среди чёрной толщи океана, звезда, случай-

но упавшая на дно мироздания.

Каэл смотрел, пока огни не начали меркнуть. И вдруг с почти болезненной ясностью понял: он покидает не просто город. Он покидает жизнь, которую ещё вчера считал своей.

— Если будешь так смотреть назад, шею сведёт, — бросил Тавис с соседнего места.

Каэл повернул голову. Техник сидел, небрежно откинувшись в кресле, и возился с ремнём наручного блока. Даже сейчас его пальцы что-то подкручивали и проверяли, будто не умели оставаться без дела.

— Я думал, учёных обучают не только читать отчёты, — сказал он. — Или до практики ты не добрался?

— До такой практики — нет, — спокойно ответил Каэл. — Меня готовили к лабораторной работе.

Тавис коротко хмыкнул:

— Непрактично.

Сайрен, сидящий напротив, усмехнулся в бороду:

— Но хоть без притворства.

Рован, склонившийся над панелью управления рядом с пилотным модулем, даже не обернулся.

— Меньше разговоров. Через семь минут начнётся смена режима давления.

Дерн, пристёгнутый у противоположной стены, скривился так, будто само присутствие лишнего человека уже мешало ему дышать.

— До сих пор не понимаю, зачем его направили с нами,

— сказал он без всякой попытки понизить голос. — На месторождении не лекцию читать будем.

— А я до сих пор не понимаю, зачем с нами ты, — лениво отозвался Тавис. — Но, как видишь, мы оба здесь.

Иара, сидевшая ближе всех к выходному шлюзу, не вмешивалась и молчала. Её лицо в тусклом свете приборов казалось почти бескровным, а серо-зелёный взгляд слишком цепко скользил по окружающим, отмечая каждую мелочь.

Капсула дрогнула. Где-то под ними протяжно застонал корпус.

Подъём начался. Каэл почувствовал это сразу. Глубина, всегда плотная, почти осязаемая, начала понемногу отпущать. Давление, к которому организм привык с детства, слабело. В висках появилась глухая пульсация, в ушах — неприятное напряжение. Голова слегка кружилась. Там, внизу, вода давила со всех сторон ровно и привычно, словно вторая кожа. Здесь же давление истончалось. Внезапная лёгкость казалась странной и слегка опьяняющей.

За стеклом менялся цвет. Густую черноту сменили холодные синеватые слои. Пространство за стеклом становилось прозрачнее.

Каэл невольно коснулся шеи. Под костюмом жаберные щели были закрыты, но телу всё равно не хватало привычного движения воды.

— Тошнит? — спросил Сайрен.

— Нет.

— Будет, — безжалостно вставил Дерн.

— Не каркай, — спокойно сказала Иара, не отрывая взгляда от стекла.

Рован проверил один из экранов.

— Ещё три минуты.

Корабль поднимался выше. Свет за стеклом стал ярче, насыщенные. Когда капсула наконец достигла поверхности, на внешние панели обрушился странный шум. Каэл вздрогнул.

— Что это? — вырвалось у него.

Тавис даже не поднял головы:

— Ветер.

Слово прозвучало почти насмешкой. Ветер. Быстрые порывы воздуха, бьющие по металлическому каркасу. Это казалось неправильным.

Рован первым отстегнул ремни.

— Всем приготовиться. Проверка масок. Не снимать внешнюю защиту без команды. На поверхности слизистые начнут сохнуть через несколько минут. У кого адаптация слабее — ещё быстрее. Не геройствовать.

— Как будто тут есть желающие, — пробормотал Тавис.

Дерн поднялся с места, проверяя крепления оружия.

— Смотри под ноги и не отставай, учёный.

Каэл ничего не ответил. Он и так чувствовал, как внутри всё собралось в тугой холодный узел.

Когда внешняя створка открылась, он вышел на поверхность и в первое мгновение едва не задохнулся.

Воздух был слишком лёгким, слишком сухим. Он не нёс в себе привычной влажности, царапал горло, охлаждал слизистые, покрывал кожу тонкой пыльной плёнкой. Каэл рефлекторно сделал ещё один вдох — и тут же зажмурился.

Над ним больше не было купола из стекла и тёмной воды. Над ним было небо. Огромное пространство голубого цвета с розовым отливом. Дневной свет немного слепил, и от этого простора становилось почти дурно.

Каэл пошатнулся. Сайрен, выходявший следом, придержал его за локоть.

— Вдыхай медленно, — негромко сказал он. — Медленно и ровно.

Каэл кивнул, так как не был уверен, что сумеет произнести хоть слово.

Кожа на лице и руках сразу ощутила сухость. Глаза заслезились. Даже звук здесь был иным — не приглушённым толщей воды, а громким и рваным. Холодный ветер бил в лицо, тело никак не могло привыкнуть к новой среде. Поверхность казалась ему враждебной.

Каэл заставил себя поднять голову и осмотреться. Остров был таким же, как на проекциях, — и всё же гораздо хуже. Камень, трещины, рваные изломы, жёсткие линии, лишённые той плавности, которую он знал в мире глубины. Здесь ничего не текло, не колыхалось, не смягчало очертаний. Всё было обнажённым, сухим, будто содранным до самой основы. Даже свет ложился на поверхность резко, вскрывая каж-

дый скол, каждую трещину и шероховатость. Остров казался безжизненным, и по спине невольно пробежал холодок.

Рован уже отдавал команды:

— Сайрен, Тавис — берите контейнеры для изоляции. Дерн — правый сектор. Иара — со мной. Учёный держится в центре группы и без команды никуда не уходит.

— Очень обнадёживает, — пробормотал Тавис, проходя мимо Каэла с кейсом инструментов.

— Тебя вообще вечно всё веселит не к месту, — отрезал Дерн.

— Не будь таким скучным. Не так часто выбираемся на поверхность.

Команда медленно продвигалась вглубь острова. Вокруг тянулся суровый, изломанный пейзаж: тёмные скалы вставали острыми гребнями, между ними чернели глубокие трещины, а под ногами осыпалась сухая каменная крошка. Ветер свистел между выступами, и от этого звука остров казался ещё более пустым и настораживающим. Чем дальше они шли, тем сильнее это место ощущалось не просто мёртвым, а по-настоящему чужим и опасным.

Иара присела у каменистого выступа, коснулась пальцами поверхности в перчатке. Потом подняла голову:

— Следы.

Рован сразу подошёл ближе.

— Предыдущей команды?

— Возможно, — ответила она после короткой паузы. —

Но их слишком мало.

Дерн резко обернулся:

— В смысле — мало?

Иара выпрямилась.

— Для группы, которая работала здесь не один час, слишком мало следов. Нет мусора. Не осталось оборудования. Слишком мало вообще всего.

Каэл огляделся внимательнее. И действительно: если здесь недавно находилась первая экспедиция, остров должен был сохранить больше следов. Крепления, маркеры, обломки контейнеров. Остатки временных стоек. Что угодно. Но картина была почти пугающе чистой. Будто кто-то не просто ушёл отсюда, а стёр своё присутствие. Сайрен выругался себе под нос.

Каэл сделал несколько шагов вперёд — осторожно, стараясь не привлекать внимания. Между тёмными разломами породы впереди уже проступало то, ради чего они пришли.

Кристаллы. Вживую они были совсем не такими, как на проекциях. Их нельзя было спутать с глубинными. Они поднимались из камня острыми, ломкими на вид россыпями, будто сам остров однажды треснул — и из этих ран пророс огонь. В их гранях дрожал свет — оранжевый с багряными вспышками. Они были красивы, но в этой красоте чувствовалось что-то неправильное.

Каэл подошёл ближе. Воздух вокруг кристаллов казался чуть теплее.

— Не трогай, — негромко сказал Рован.

Каэл остановился, но взгляда не отвёл. Кристаллы реагировали на них. Теперь он видел это ясно. Когда люди приближались, свечение в глубине осколков начинало пульсировать быстрее. Один из ближайших кусков вспыхнул ярче, когда Сайрен поднёс к нему изолирующий захват.

— Видели? — быстро спросил Каэл.

— Видели, — сухо сказал Рован. — Поэтому работаем осторожно.

— Нет, не просто осторожно, — Каэл сделал ещё шаг. — Они реагируют не только на прикосновение. На температуру тела тоже. И, возможно, на металл ещё до прямого контакта.

Сайрен метнул в него быстрый взгляд и опустил на одно колено у ближайшего выступа.

— Давай попробуем малый фрагмент, — сказал он. — Только край.

Рован коротко кивнул.

— Все готовы?

Дерн напряженно перехватил оружие и отошел подальше. Иара стояла неподвижно, глядя не на кристалл, а куда-то за разломы, словно продолжала прислушиваться к самому острову.

Сайрен осторожно поднёс захват к тонкому выступающему осколку и обхватил кристалл. Свет в его глубине рванулся по трещинам вверх, как огонь по сухим волокнам. Оранжево-багряный отблеск ударил в лицо, по поверхности пошла

мелкая дрожь.

— Назад! — рявкнул Рован.

Сайрен отшатнулся, но было поздно. Тавис выругался и бросился вперёд с аварийным экраном. Каэл схватил Сайрена за плечо и рванул назад.

Кристалл погас так же внезапно, как вспыхнул. Но контейнер уже был испорчен. Материал начал темнеть и пузыриться, будто его опалило пламенем.

Несколько секунд никто не двигался. Слышно было только, как ветер свистит в разломах и как слишком громко дышат люди в масках.

Тавис первым нарушил молчание:

— Ну вот. Теперь официально подтверждено: эта дрянь жрёт даже усиленную изоляцию.

Сайрен выпрямился, глядя на остатки контейнера с таким выражением, будто ему хотелось одновременно выругаться и кого-нибудь ударить. Рован медленно повернулся к Каэлу:

— Что ещё ты заметил?

Впервые в его голосе не было ни снисхождения, ни сухой команды. Только жёсткая необходимость услышать ответ. Каэл перевёл дыхание. Сердце билось слишком быстро. Не только от вспышки. От другого.

— Они не просто нестабильны, — тихо сказал он. — Они будто защищаются.

Ветер ударил в скалы сильнее. Где-то за острыми выступами тёмного камня что-то коротко звякнуло. Иара вскину-

ла голову первой. Её рука уже лежала на оружии.

— Мы здесь не одни, — сказала она.

Глава 5. Аэлин из Тейры

— Ну вот, они испортили контейнер, — глухо зарычал Ривен, не отрывая взгляда от людей внизу. — А за него можно было бы несколько недель жить спокойно. Или обменять на новые клинки. Мне уже не хватает длины на моих.

— Будешь ныть — укорочу тебе что-нибудь другое, — тихо сказала Аэлин.

Она даже не повернула головы. Лёжа в засаде между тёмными выступами скал, Аэлин внимательно следила за чужаками. Ветер трепал выбившиеся из косы пряди у её виска. Под ней был холодный камень, перед глазами — месторождение, за спиной — её люди.

Всё привычно. Всё под контролем. Почти.

Внизу, у разлома, вторая группа «подводных» возилась с кристаллами. Первая оказалась слишком тупой. Они решили, что перед ними просто редкие минералы, которые можно выломать, упаковать и вывезти. Пришлось устранить их раньше, чем они успели бы разнести месторождение — а может, и весь остров — своей жадностью и невежеством.

Вот же ненормальные!

Аэлин до сих пор ясно помнила тот день: вспышки багряного света, крики, оплавленный металл и собственную

ярость. Люди из глубины пришли на остров за добычей, даже не пытаясь понять, к чему прикасаются.

Чтобы увидеть правду, не нужно быть гением. Кристаллы являлись частью острова. Живой, опасной, глубоко вросшей в камень сетью. Они тянулись под поверхностью, как мицелий, расползаясь по разломам, уходя в толщу породы, отзываясь на тепло и металл. Аэлин охраняла это место уже несколько месяцев, пока добытчики с Тейры понемногу изолировали куски кристаллов от основной подземной сети и добывали их для производства оружия.

Эти, внизу, были осторожнее. Но лишь самую малость.

Аэлин чуть прищурилась. Командир у них был неплох. Слишком напряжённый и прямолинейный, но хотя бы соображал быстро и не давал своим людям расползаться. Ещё один — крупный, с руками грузчика, — явно занимался снаряжением и контейнерами. Такой мог пригодиться. Техник — нервный, быстрый, с ловкими пальцами, тоже был полезнее большинства воинов.

А вот мелкий...

Аэлин скользнула взглядом по темноволосому парню, который стоял к кристаллам ближе, чем следовало бы. Не воин, это видно сразу. И всё же именно он первым заметил, что кристаллы реагируют на людей.

Станный какой-то. Интересно, кто он у них? Учёный? Лекарь? Кристалловед?

Аэлин едва заметно повела плечом, устраиваясь поудоб-

нее на камне. Понаблюдать ещё? Или хватит?

Ривен рядом тихо цыкнул.

— Идиоты, — пробормотал он. — Что они делают?

— Тише, — бросила Аэлин.

Ниже, у разлома, чужаки насторожились. Аэлин смотрела на них ещё несколько ударов сердца.

Нет. Достаточно. Если оставить их здесь дольше, они либо полезут глубже, либо вернутся с большим отрядом и успеют передать слишком много сведений о месторождении. Уже ясно, кто из них кто. Воинов у Тейры и своих хватало. А вот добытчик, техник или тот мелкий, который что-то понимает в кристаллах, могли оказаться полезны.

Аэлин подняла руку и показала отряду два коротких знака: **окружаем** и **берём живыми**.

Семеро воинов, лежавших в укрытиях среди скал, едва заметно шевельнулись. Это была её ударная группа. Семь человек, которых она собирала несколько лет: выносливых, сообразительных, хладнокровных. Они подчинялись ей беспрекословно.

Почти. Только Ривен до сих пор временами скалился, словно всё ещё надеялся однажды выбить у неё место командира. Пусть надеется. Аэлин слишком дорого заплатила за это место, чтобы уступить его хоть кому-то. Кровью, потом, сломанными пальцами, вечными синяками, чужим презрением и собственным упрямством. Слишком многим мужчинам в Тейре хотелось, чтобы она ошиблась, ведь женщина,

по их мнению, не способна командовать ударной группой. Но Аэлин раз за разом доказывала обратное.

Она бросила на Ривена короткий взгляд. Тот оскалился в ответ — не зло, скорее привычно, как делают люди, слишком давно сражающиеся рядом, чтобы скрывать характер. Аэлин кивнула. И в следующий миг скалы ожили. Тейранцы ударили быстро и молча. Один спрыгнул вниз с уступа, другой вышел слева, двое обошли разлом по дуге, перекрывая путь к отступлению. Ветер рванул полы лёгких защитных плащей, клинки коротко блеснули в сером свете, и остров, ещё секунду назад казавшийся неподвижным, вдруг выплюнул из камня вооружённых людей.

— Нападение! — рывкнул кто-то из чужаков.

Надо отдать должное, их командир среагировал быстро. Почти сразу развернул своих, закрывая центр группы. Один из воинов поднял оружие, техник рванулся к контейнерам, а мелкий застыл, и Аэлин сразу отметила: *да, не боец*.

Отлично.

Она спрыгнула с уступа последней — прямо в гущу движения, в каменную пыль, в крик, в резкий запах металла и сухого воздуха. Ударила рукоятью клинка по запястью чужого воина, выбивая оружие, развернулась, ушла от встречного движения, скользнула в сторону. Всё происходило быстро, почти привычно. Её тело реагировало быстрее, чем разум.

— Живыми! — коротко бросила она своим.

Ривен уже сцепился с одним из стражей. Двое тейранцев

прижали к камню техника. Крепкий, тяжёлый добытчик попытался вырваться, но ему подсекли ноги и повалили набок.

Чужой командир дрался жёстко и умело. Аэлин заметила это сразу. Не лучший из тех, кого она видела, но хороший. Слишком собранный, чтобы поддаваться слепой ярости. Пришлось заходить сбоку, ломать ритм, заставлять его выбирать между защитой своих и прямой атакой. Он всё же задел её плечо клинком в пылу битвы, но это только вызвало улыбку у девушки.

Темноволосого схватили сразу. Он не успел ни вырваться, ни толком понять, что происходит. Только резко обернулся — и их взгляды впервые встретились.

Глаза у него были не испуганные. Скорее, ошеломлённые. И злые. Это почему-то задело Аэлин сильнее, чем должно было. Захватчик на её территории смотрел так, будто право злиться было у него.

Через несколько минут всё было кончено. Чужаков обезвредили быстро и жёстко. Их оружие валялось на камнях, руки были стянуты ремнями, а тела прижаты к земле так, чтобы никто не дёрнулся раньше времени. Трое ещё оставались в сознании. Один из подводных воинов издавал странные, влажные хлюпающие звуки. Из щелей на его шее текла тёмная кровь.

— Тасс, этого попробуй подлатать, — сказала Аэлин. — Ресурсы не жалея, возьмешь. Он нам еще понадобится.

Она стояла над пленными, медленно переводя дыхание.

В голове ещё отзывался шум боя, в висках тяжело стучала кровь. Девушка скользнула взглядом по командиру чужаков — тому самому, с кем схватилась лично и которому успела оставить несколько неглубоких, но болезненных порезов. Хороший боец. Жёсткий, упрямый.

У его ног лежал выбитый клинок. Чуть в стороне кто-то из пленных тихо стонал сквозь стиснутые зубы. Ривен, морщась, затягивал ремни на запястьях захваченного техника. Под глазом у него уже наливалась тень, а из разбитого носа медленно текла кровь.

— Этих забираем сразу, — сказала Аэлин, показывая на Каэла и Иару.

Сол, стоящий справа, быстро оглядел пленных:

— А остальных?

Аэлин ответила не сразу. Сперва снова оглядела лежащих на камнях.

Воин. Крепкий добытчик. Техник. Мелкий, слишком внимательно смотрящий по сторонам даже сейчас. И женщина, что вырубил ее воина, — она первая почувствовала засаду. Ловкая, быстрая. «Такую бы мне в команду», — подумала девушка. Потом её взгляд вернулся к раненому, который уже не столько дышал, сколько захлёбывался собственной кровью.

— Остальных подержим пару дней на втором Перехвате, — сказала она. — Не хочу сразу показывать всю добычу. Пожалуй, дам им шанс.

Сол проследил за её взглядом и кивнул. Ривен выпрямился, вытирая кровь с губ тыльной стороной ладони.

— Кто с ними останется? — спросил он с недоброй усмешкой. — Через три дня мы должны сюда вернуться.

— Ривен, Сол и Лирс со мной в колонию, — холодно ответила Аэлин. — Тасс, возьми их посудину и отправляйтесь.

Она присела перед раненым так, чтобы он видел её лицо. Взгляд Дерна не сразу сфокусировался на девушке.

— У тебя два дня на поправку, — произнесла она ровно. — Если мой план не сработает, вам придется тяжело.

Воин смотрел на неё мутными глазами, наполненными болью и ненавистью, но, кажется, всё ещё понимал. Аэлин поднялась.

— Поторапливайтесь, до темноты нужно уйти с острова, — добавила она уже для своих.

Её люди зашевелились сразу. Без вопросов, без лишних слов. Так и должно было быть. Аэлин слишком дорого заплатила за право отдавать приказы, чтобы кто-то теперь позволял себе медлить.

Пленников распределили между захваченным экспедиционным кораблём и небольшой лодкой тейранцев. Часть воинов отправилась с пленными на второй Перехват — небольшой перевалочный пункт между колониями Межморья.

Сама Аэлин решила идти в Тейру налегке. С ней отправились Ривен, двое её людей, воительница из глубины и мелкий темноволосый чужак.

Девушка дождалась светового сигнала от сменившей ее команду группы воинов, ответила слабым ударом по осколку кристалла. Вспышка на миг осветила берег с каменным уступом, который они приспособили как причал для лодки. Скала немного сгибалась под углом, что позволяло лодке оставаться незамеченной.

— Отчаливаем, — Аэлин первой шагнула на носовую площадку.

Доски под сапогами были влажными и скользкими от солёных брызг. Ветер сразу рванул полы её короткого плаща, выбил из косы несколько светлых прядей.

Узкая лодка тяжело качнулась, когда в неё втолкнули последнего связанного пленника. Низкие борта почти касались тёмной воды. Между деревянными перекладинами лежали свёрнутые канаты, запасные вёсла и ящики, накрытые грубой промасленной тканью. Лодка выглядела лёгкой, быстрой, хищной — созданной для внезапных атак и столь же быстрых отступлений.

Пленных усадили ближе к середине лодки, спинами к низкой переборке, так, чтобы они всё время оставались на виду. По обе стороны от них устроились тейранские воины — молчаливые, настороженные, готовые в любой миг ударить, если кто-то из чужаков попытается рвануться.

Ривен упёрся багром в камень и оттолкнул лодку от берега. Та тяжело качнулась и медленно поплыла назад. Он быстро перебрался к мотору, дёрнул шнур стартера — раз, дру-

гой.

Мотор сперва лишь хрипло закашлялся.

— Давай же... — сквозь зубы бросил Ривен и дёрнул сильнее.

На третий раз двигатель ожил: загудел неровно, с перебоями, но всё же набрал силу. Лодку повело в сторону, нос дрогнул, разрезая чёрную воду, и остров начал постепенно отдаляться.

Несколько минут они шли молча. Ветер бил в лицо, солёные брызги липли к коже, оседали на плаще Аэлин и на связанных руках пленников. Море дышало тяжело и неровно: волны поднимали лодку, затем резко опускали вниз.

Аэлин сидела на краю носовой площадки, иногда касаясь воды рукой. Поток скользил между её длинных, мозолистых пальцев, помогая отвлечься от тяжёлых мыслей. Ветер трепал косу, забирался под ворот, но она не обращала на это внимания. Время от времени корректировала курс, ориентируясь в сумерках по редким звёздам.

Даже сейчас, после боя, в ней чувствовалась жёсткая собранность человека, привыкшего держать всё под контролем. Она сидела расслабленно, но Каэл уже заметил: за этим ленивым спокойствием скрывалась постоянная готовность к удару. Аэлин двигалась размеренно, без лишних жестов, как хищник, который не тратит силы впустую.

Лицо у неё было суровое, с резкими чертами. Высокие скулы, светлая обветренная кожа, тонкий шрам у виска, ухо-

дящий к линии волос. Серые глаза казались холодными при дневном свете, но сейчас, в сумерках, в них отражались звезды и тусклый блеск волн. Взгляд у Аэлин был тяжёлый — внимательный, цепкий. Она слишком долго жила среди угроз и давно перестала доверять миру.

Через какое-то время девушка снова посмотрела на пленников. Воительница из глубины сидела неподалёку — спина прямая, несмотря на связанные руки. Она молчала, но в этой тишине чувствовался вызов. Темноволосый чужак тоже не произносил ни слова. Только постоянно оглядывался: на воду, на лодку, на тейранцев... и, наконец, на Аэлин.

Этот раздражало её. Она резко обернулась.

— Что? — коротко бросила Аэлин.

Чужак чуть склонил голову, рассматривая её внимательно.

— Ничего, — спокойно ответил он. — Просто пытаюсь понять.

Его голос был мелодичным. Слова звучали со странным певучим акцентом, но были понятны.

— Что именно? — в голосе Аэлин прозвучало холодное напряжение.

Он на мгновение задержал взгляд на горизонте:

— Куда мы плывем?

Аэлин усмехнулась — коротко, без тени веселья:

— Ты плохо понимаешь, с кем связался. У нас вопросы не задают. Но я отвечу: в Тейру. Твой новый дом.

Ривен фыркнул у руля.

— Ещё поймёт, — бросил он. — Если доживёт.

Лодку снова резко повело волной.

— Левее держи! — крикнула Аэлин.

Один из воинов ухватился за весло, выправляя ход. Мотор загудел громче, перекрывая шум ветра. Чужак перевёл взгляд на море. Аэлин отвернулась, но странное чувство не уходило. Где страх? Где злость? Почему он смотрит так, будто знает что-то, чего не знают они?

Море вокруг было бескрайним и тёмным, как сама ночь. Оно поднимало их и опускало, не различая, кто здесь охотник, а кто добыча. И вдруг Аэлин подумала: возможно, граница между ними куда тоньше, чем кажется.

Люди меняются, когда у них отнимают свободу. Но иногда — когда им её возвращают. Она снова взглянула на чужака. И впервые допустила мысль, которая ей не понравилась: иногда самый опасный пленник — тот, кто не чувствует себя пленником вовсе.

Глава 6. Новый дом

Тёмное бархатное небо висело над морем так низко, будто его можно было задеть протянутой рукой.

Звёзды горели холодно и ярко. Они дрожали в чёрной воде, рассыпались по волнам мелкими искрами, исчезали в ряби и снова вспыхивали, когда лодку поднимало на очередном

гребне. Аэлин редко смотрела на небо подолгу, хотя превосходно ориентировалась по созвездиям. В море небо было не красотой, а картой.

А темноволосый пленник смотрел на небо, будто видел его впервые. Аэлин заметила это краем глаза и усмехнулась. Пусть смотрит. Звёзды не развяжут ему ремни на запястьях.

Плечо, задетое чужим клинком, ныло под плащом. Рана была неглубокой, но от солёных брызг жгло сильнее, чем во время боя. Аэлин не позволяла себе морщиться, ведь в Тейре боль замечали быстро.

Впереди, у самого горизонта, мерцали огни. Издали они могли сойти за часть звёздной россыпи — такие же мелкие, дрожащие, потерянные между небом и водой. Но чем ближе подходила лодка, тем отчётливее становилось видно: эти звёзды держались не на небе. Они качались на волнах, цеплялись за мачты, висели в железных клетках фонарей и расползались по чёрной поверхности неровной светящейся линией.

Постепенно из темноты проступила Тейра.

Сначала крайние платформы — низкие, широкие, стянутые цепями и толстыми канатами. Потом переходы между ними, жилые блоки, сигнальные мачты, дозорные вышки, силуэты лебёдок. Всё это двигалось вместе с морем: поднималось, проседало, отвечало на волну скрипом настилов и глухим стоном металла.

Тейра не стояла. Она держалась на понтонах, сваях, це-

пях, злости и упрямстве тех, кто когда-то решил, что море не имеет права забрать у них всё.

Аэлин достала из-за пазухи сигнальный кристалл и сжала его в ладони. Тот отозвался тусклым багряным светом. Раз. Пауза. Ещё две короткие вспышки. На дальней платформе ответили одной слабой искрой. Их узнали, но дозорный всё равно выпрямился, когда лодка подошла ближе. В Тейре доверяли сигналам меньше, чем клинку под рукой.

— Кто идёт? — крикнул он сверху.

— Свои, — рявкнул Ривен, не поворачивая головы. — Отряд Аэлин.

Дозорный помолчал, всматриваясь в лодку. Потом его взгляд опустился на связанных пленников.

— С добычей?

— А ты как думал?

В голосе Ривена мелькнула грубая усмешка. Но привычного отклика не последовало. Только ветер прошёлся между блоками и заставил фонарь над дозорным опасно качнуться.

Лодка вошла в лабиринт внешних платформ. Запах изменился: соль и сырость оставались прежними, но теперь к ним примешивались смола, старая рыба, мокрое дерево, ржавчина и едва уловимый дым погасших жаровен. Днём Тейра пахла потом, железом и жизнью. Ночью — усталостью.

По обе стороны тянулись узкие проходы. К сваям были привязаны сети, под навесами громоздились бочки, снасти и перевёрнутые лодки. Над водой провисали канаты и шаткие

мостки. Редкие фонари в железных клетках выхватывали из темноты мокрые доски, острые тени, ржавые края пластин и закрытые ставни узких окон.

Людей почти не было. Так даже лучше: меньше вопросов, меньше жадных взглядов, которые сразу начинают считать чужую добычу и прибыль. Лодка скользнула мимо высокой платформы, где под навесом висели сети. У внутреннего причала их уже ждали.

Платформа была шире остальных, укреплённая балками и металлическими пластинами по краю. Здесь швартовались боевые лодки, выгружали добычу, приводили пленников. Два высоких фонаря горели ярче прочих, и их свет ложился на мокрый настил дрожащими жёлтыми пятнами. У причала стояли четверо: люди Аэлин, которых предупредили заранее. Они не переговаривались и не задавали лишних вопросов. Только смотрели на приближающуюся лодку, на оружие в руках тейранцев и на связанных чужаков. Ривен заглушил мотор. Лодка прошла по инерции ещё немного и глухо ударилась о край платформы.

Сол бросил канат. Один из встречавших подхватил его, притянул судно ближе и закрепил за железное кольцо. Ривен первым перепрыгнул на настил, быстро проверил проход и только после этого махнул остальным.

Аэлин сошла на платформу легко, привычно, будто не было за спиной долгой дороги, боя, ветра и солёной усталости в костях. Доски под ногами прогнулись, качнулись, отозвались

знакомым движением. Здесь всё было жёстким, неудобным, пропахшим железом и солью. Но это был её город.

За спиной начали поднимать пленников. Воительницу вытолкнули первой. Она ступила на настил скованно, словно платформа казалась ей ненадёжной. Но удержалась. Даже головы не опустила. Аэлин отметила это про себя. Хорошо. Сломанных она не уважала.

Темноволосого вывели следом. Он поднял взгляд — сначала на мокрые доски под ногами, потом на переходы, связанные платформы, многоярусные блоки с узкими окнами, мачты, лестницы и канаты, свисающие над водой. Страха на его лице не было. Он не дёргался, не пытался вырваться, не озирался в поисках ближайшей щели между охраной. Глаза его светились от восхищения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.